

Джонатан Келлерман

Джонатан Келлерман – один из самых популярных в мире писателей детективов и триллеров. Свой опыт в области клинической психологии он вложил в романы, числом около сорока, каждый из которых становился бестселлером *New York Times*. Самая популярная его серия книг – о полицейском эксперте-психологе Алексе Делавэре. Келлерман также является практикующим психотерапевтом и профессором клинической педиатрии и психологии, автором ряда научных статей и трехтомного учебника по психологии, лауреатом многих литературных премий.

ГРАНД МАСТЕР

книги для искушенного читателя

Издательство «ГрандМастер» входит в холдинг «Эксмо» и самостоятельно определяет редакционную политику.

Мы издаем лучшую остросюжетную, историческую, общественно-политическую литературу и биографические очерки, а также интеллектуальную публицистику. Эти книги адресованы преимущественно мужской аудитории — тем, кто хочет получить от чтения яркие эмоции, актуальные темы, новые знания, правдивость и достоверность. Это не значит, что прекрасной половине человечества запрещен вход на территорию издательства «ГрандМастер», — читательницы познакомятся здесь с яркими, харизматичными героями, такими, которых принято называть настоящими мужчинами.

В ближайшее время вас ждут новинки в других сериях издательства «ГрандМастер»

Один из лучших романов всемирно признанного автора детективов Питера Джеймса из его серии о Рое Грейсе — «Убийственно просто».

Долгожданное полное собрание повестей и рассказов Ли Чайлда о Джеке Ричере — «Без второго имени».

Джонатан
Келлерман

УБИЙЦА

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

К34

Jonathan Kellerman

KILLER

Copyright © 2013 by Jonathan Kellerman. This translation is published by arrangement with Ballantine, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC.

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на суперобложке *Филитта Барбышева*

Келлерман, Джонатан.

К34 Убийца / Джонатан Келлерман; [пер. с англ. Н. В. Екимовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с. — (Детективы профессора психологии).

ISBN 978-5-04-090126-5

В Лос-Анджелесе — Городе Ангелов — полным-полно психопатов; блестящему психологу и полицейскому консультанту доктору Алексу Делавэру это хорошо известно. И он, как никто, умеет определять их, выделять из общей массы людей. Но, столкнувшись с делом Конни Сайкс, успешного и уважаемого врача, добивающейся через суд опеки над маленькой дочерью своей родной сестры, Алексу начинает казаться, что, возможно, до сих пор он вообще не понимал людей. Внезапно перед ним разверзлась чудовищная бездна человеческой жадности, беспринципности, жестокости — и безумия...

Келлерман не просто пишет психологические триллеры — он хозяин этого жанра...

Detroit Free Press

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Н.В. Екімова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-090126-5

*Особая благодарность
Вики Грину, эск.*

ГЛАВА 1

— Я не собираюсь стрелять
в вас, доктор Делавэр.
Хотя следовало бы.

И как правильно реагировать на такое сообщение?
«Вот спасибо, что разъяснили».

«Надеюсь, что вы не передумаете».

«Хммм. Похоже, что вы... одержимы мыслью об
убийстве».

Если сомневаешься, лучше молчи. И хотя в моей
работе сомнение — часть повседневной практики, со-
вет все равно хорош.

* * *

Я опустил в кресло и положил ногу на ногу, ста-
раясь казаться невозмутимым, а сам продолжал смо-
треть в глаза человеку, который только что угрожал
мне смертью. Ответом мне был безмятежный взгляд.
Ни проблеска сожаления в тускло-карих глазах. Даже
наоборот: полное довольство собой.

Такую же бесстрастную самоуверенность, от кото-
рой мурашки бегут по коже, я видел в глазах психо-
патов, обитателей одиночных камер тюрем особого
режима. Но человека, который сидел напротив меня
сейчас, никогда не арестовывали.

Это была не первая наша встреча, но ни сейчас, ни раньше я не замечал никаких предупредительных знаков. Ничего маниакального, никаких императивных слуховых галлюцинаций, никакой манерности или резкой смены поведения, которые также могут свидетельствовать о том, что у клиента «не все дома». Утечки тестостерона, приводящей к тяге к насилию, тоже не наблюдается.

У человека, сидевшего передо мной сейчас, избытка тестостерона вообще не могло быть.

Ее имя было Констанция Сайкс, но она предпочитала, чтобы ее называли Конни. Сорок четыре года, телосложение среднее, рост средний, седеющая блондинка — лицо красивое, хотя и тяжеловатое в области нижней челюсти, голос мягкий, осанка безупречная. Круглая отличница в школе, бакалавр в области химии, член общества Фи Бета Каппа¹, диплом с отличием, плюс еще диплом одной из лучших медицинских школ страны; наконец, престижная интернатура, а затем ординатура и профессиональная сертификация в области патологии.

Теперь она была хозяйкой и главным сотрудником небольшой частной лаборатории в Вэлли, где специализировались в основном на возбудителях болезней, передающихся половым путем, а также редких и малоизученных инфекций; имела «Лексус» и дом, явно слишком большой для одного человека. Многие люди называли бы ее богатой; сама она определяла свой финансовый статус как «комфортный».

На каждую нашу встречу, включая и эту, Конни приходила тщательно причесанная, накрашенная и одетая неброско, но по моде. Носила она и драгоцен-

¹ Фи Бета Каппа — привилегированное общество выпускников университетов и колледжей США.

УБИЙЦА

ности, но, проведя в ее обществе не так уж много времени, я заметил у нее странную привычку: она могла ни с того ни с сего снять с себя браслет, брошь или даже серьги, подержать их перед собой, глядя на них как на что-то незнакомое, приставшее к ней случайно, и снова надеть, хмурясь так, словно ей самой и в голову не пришло бы нацепить на себя нечто подобное, но раз надо, значит, надо.

Одним словом, свои странности у нее были, но ничего такого, что предвещало бы подобный поворот.

* * *

Убежденная холостячка, Конни Сайкс, казалось, несколько не переживала о том, что всю жизнь, с того самого дня, когда она покинула родительский дом, поступив в колледж, прожила одна. Сухим, прозаическим тоном эта женщина сообщила мне, что полностью себя обеспечивает, не нуждается ни в чьей помощи или поддержке и никогда не хотела и даже не мечтала, чтобы в ее жизни появился кто-то другой.

Пока не возник «ребенок».

Зачала этого ребенка не она, и родила тоже не она, но ей вдруг страшно захотелось назвать его своим; она почувствовала, что заслужила это, и потому не жалела ни сил, ни денег, чтобы этого ребенка заполучить.

Затея безнадежная, хоть при моем вмешательстве, хоть без него, но меня привлекли к делу как эксперта, и Конни Сайкс узнала, что ее судебный иск, скорее всего, будет отклонен. Правда, она была не из тех, кто привык проигрывать, а значит, кто-то должен был за ее проигрыш заплатить.

Конечно, эту головную боль она нажила себе сама, но я ей все же сочувствовал. Мой друг, «голубой» детектив из отдела по расследованию убийств, называет психологов рефлексирующими соглашателями.

(«Доктор Нет — это не про тебя. Ты — доктор Нет-Проблем».) И, разумеется, он прав. Психотерапевты, которым нравится обращать пациентов в свою веру, пусть лучше идут в проповедники или баллотируются в президенты.

Я решил — если Конни Сайкс позвонит мне, я предложу ей свою помощь и, может быть, мне как-то удастся сгладить для нее особенно острые углы.

Но она не позвонила. Она пришла сама. Время у меня было, и я провел ее к себе в кабинет.

Она вошла, точно такая же, как раньше. Собранная, прямая, словно палка, зад пристроила на самый край потертой кожаной кушетки — все как всегда. Сняла очки, положила их в жесткий кожаный футляр, футляр опустила в итальянскую сумку на завязках — очень красивую, хотя и великоватую для дамской.

Я сказал:

— Доброе утро.

Она ответила:

— Вы считаете его добрым?

Сразу за этим ее улыбка умерла, а она откашлялась, точно перед длинной, тщательно отрепетированной речью, и доложила, что стрелять в меня не входит в ее ближайшие планы. Хотя и следовало бы.

Я молчал, прикидываясь спокойным, пока мы с ней играли в гляделки.

Конни Сайкс отвела глаза первой. Она разгладила черные габардиновые слаксы у себя на коленях и провела рукой по тонкой коже сумки цвета виски. Потом похлопала по ней и обвела пальцем какое-то вздутие внутри, отчего ее улыбка немедленно воскресла и сделалась даже шире, чем раньше.

С безошибочным актерским чутьем эта женщина выдерживала паузу, проверяя, понят ли намек аудитории или нет.

Она намекала, что пришла с оружием.

Ее пальцы продолжали оглаживать контуры выпуклости на сумке, а у меня подпрыгнуло сердце и кишки завязались узлом, что не могло не отразиться на моем лице.

Конни Сайкс засмеялась. Потом встала, распахнула дверь кабинета и пошла по коридору к выходу.

Обычно я сам провожаю пациентов. Но этой дамочке я предоставил выбирать самостоятельно, а сам подскочил к двери кабинета, запер ее на замок и стоял, приложив ухо к ее дубовой панели, пока не услышал, как хлопнула дверь в холле.

Но и тогда я не сразу вышел из кабинета. Опомниться мне помогла не порция виски «Чивас» как таковая, а время, потраченное на то, чтобы налить ее и выпить, и размышления, которым я предавался при этом: подумав как следует, я решил, что женщина просто выпускала пар. И удивляться надо не тому, что со мной произошла такая история, а тому, что, при том объеме работы, который я делаю для суда, она не произошла раньше.

Прошло полторы недели; она не звонила, у моего дома не появлялась, я не получал злобных анонимок, не слушал по несколько раз на дню молчаливое сопение в телефонную трубку и уже решил, что всю эту историю можно забыть.

Но вот чего я не мог забыть, даже при всем желании, так это битвы, которая разыгралась в суде и которая, собственно, привела Конни Сайкс на мой порог. И хоть я надеялся, что со временем и я стану для нее всего лишь воспоминанием, пусть и не особенно приятным, все же у меня оставалось подозрение, что боль и горечь поражения пройдут у нее еще не скоро.

А то и никогда.

Начиная бракоразводный процесс, одни супруги врываются в него, топоча ногами, раздувая ноздри и тараня лбом воздух: так бык выносятся на арену, готовый вздеть на рога первого, кто попадется. Другие сначала демонстрируют самые прекрасные намерения, а удар наносят потом, исподтишка. Лишь немногим удается расстаться по-человечески, в основном же развод — это необъявленная партизанская война.

Для семейных пар главным объектом тяжбы обычно становятся дети. Даже те мамы и папы, которым родительская роль не очень-то по душе, начинают лгать и притворяться, будто это и есть главное дело их жизни. Еще бы, ведь признаться в равнодушии к собственным отпрыскам, более того, сделать публичным достоянием свои давние мечты о том, как бы поскорее отделаться от этой семейной бодяги, — значит нарваться на всеобщее осуждение.

Кстати, именно те родители, которые в обычной жизни обращают на своих чад не больше внимания, чем на мебель, в суде дерутся за право опеки над ними как львы: еще бы, ведь главное для них — победа.

В самых худших случаях детей превращают в подобия ручных гранат. Обвинения в невыполнении родительских обязанностей, в жестокости и даже насилии всплывают и лопаются, точно пузыри на болоте, как правило, не имея под собой ни малейшего основания. Однако, когда речь идет о будущем детей, любое обстоятельство нуждается в проверке. И тогда судьи обращаются за профессиональным советом к кому-то вроде меня.

УБИЙЦА

Хотя у моей профессиональной жизни есть и другая сторона: иногда я помогаю лейтенанту Майло Стёрджису распутывать зверские убийства.

Но это как раз легко.

* * *

Когда я только оставил работу в Западной педиатрической больнице и открыл частную практику, я избегал любых случаев, связанных с опекой над детьми, причем настолько, что даже отправлял к коллегам тех пациентов, которым предстояло что-то похожее на судебную тяжбу. Я знал, что работа в суде — дело выгодное, однако недостатка в клиентах у меня не было, а со слов тех из моих коллег, которым не повезло вляпаться в систему, я знал, что она непредсказуема и хаотична, а заправляет в ней банда придурков и садистов.

Всё в интересах ребенка — ага, как бы не так.

Моя практика процветала: ко мне обращались в основном хорошие люди, которые приводили таких же хороших детей с маленькими проблемками, от которых я избавлял их в самые короткие сроки. Впору почувствовать себя героем — кому такое не нравится?

А потом ребенок, с которым я занимался уже некоторое время, вдруг стал объектом судебной тяжбы. Четырехлетняя Эми росла без отца, с мамой, которая, в общем и целом, отлично справлялась с воспитанием, а ко мне пришла лишь затем, чтобы уточнить кое-что в вопросах дисциплины, дальнейшего развития и выбора школы. Спокойная и уравновешенная малышка была обязана своим существованием «однодневным гастролям» родителей: матери и никогда не виденного ею отца — тогда еще женатого бывшего полицейского из штата Вашингтон, уволенного за взятки и подозревавшегося в худшем.

Вышеуказанный папашка не только ни разу не появился на горизонте крошечной дочкиной жизни, но и гроша ломаного не прислал на ее содержание. Мать Эми обращалась с заявлением о выплатах для девочки, но ничего не вышло, да женщина и не настаивала: она зарабатывала, им с девочкой хватало, ее все устраивало.

Пока однажды вечером в ее квартире не раздался звонок. Она открыла дверь и — здравсте, пожалуйста! — явился не запылится, с порога попытался ее облапить, а когда она его оттолкнула, то, нагло ухмыляясь, сунул ей под нос бумаги о начале судебного процесса о совместной опеке над ребенком. Оказывается, он недавно развелся, причем суд отказал ему в праве даже видеться с двумя детьми от первого брака, из правоохранителей его турнули, с работой с тех пор было не густо, вот он и решил, по его словам, «заняться ребенком. К тому же она на меня похожа».

Любой нормальный человек подумал бы, что у него нет ни единого шанса втереться в жизнь маленькой Эми. Но не забывайте про придурков и садистов.

«Папа» нанял адвоката с агрессивными наклонностями, эдакого ястреба от юриспруденции, а тот втянул в дело психолога, который и написал многословный отчет с настоятельной рекомендацией распределить обязанности по воспитанию ребенка между родителями на пятьдесят процентов, что для Эми означало бы еженедельный переезд из Лос-Анджелеса в Спокейн или обратно. И все это, разумеется, «ради соблюдения психологических интересов ребенка».

Автор сего блестящего умозаключения, женщина по имени Джоан Морт, в глаза не видела ни саму Эми, ни ее маму, полагаясь вместо личного впечатления на «хорошо документированную подборку материалов по исследованию негативного воздействия отсутствия

УБИЙЦА

одного из родителей на психику детей, в частности, девочек предпубертатного возраста».

Маме Эми уже пришлось урезать свои расходы, чтобы заплатить за психотерапию для девочки, так что я решил поучаствовать в этом судебном деле без вознаграждения и написал свой отчет. Судья оказался одним из тех юристов, которые действительно читают попадающие к ним материалы; ознакомившись с моим отчетом, он назначил закрытую встречу с адвокатами и экспертами обеих сторон.

* * *

Моя первая встреча с доктором Джоан Морт состоялась, когда та шла по коридору здания суда. Старше меня, она обладала легким косоглазием, всеми необходимыми дипломами, упругой походкой и мягким, привязчивым, псевдотерапевтическим голосом. Она схватила мою руку обеими своими, заявила, что очень рада меня видеть и что мой вклад в процесс неоценим. Можно было подумать, что мы с ней в одной команде.

Когда мы вошли в комнату для заседаний, доктор Морт вызвалась выступать первой. Говорила она неторопливо и отчетливо, с академическими интонациями, сильно налегая на профессиональный жаргон, — короче, маскировала абсурдность своих аргументов показной ученостью, что ей, в общем и целом, удалось. По крайней мере, в ее устах идея возложить ответственность за жизнь и воспитание четырехлетней девочки на совершенно незнакомого ей мужчину, к тому же с явными преступными наклонностями, звучала почти разумно.

Перевернув последнюю страницу своего отчета, доктор Морт похлопала меня по руке и ободряюще улыбнулась.

Теперь, мол, твоя очередь, сынок.